

О СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ ФИГНЕР (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ IV «ТЮРЬМА ДАЕТ МНЕ ДРУГА» МЕМУАРОВ «КОГДА ЧАСЫ ЖИЗНИ ОСТАНОВИЛИСЬ»)

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 16 октября 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется манера повествования в мемуарах народницы В. Н. Фигнер, безусловно, наделенной талантом беллетриста. Яркой особенностью ее стиля, признанной такими классиками литературы, как И. А. Бунин и Г. И. Успенский, является чередование итеративных и сингулятивных фрагментов.

Ключевые слова: В. Н. Фигнер, мемуары, субъектная сфера, диегетический нарратор, итератив, сингулятив.

Abstract: the article analyzes the manner of narration in the memoirs of the populist V. N. Figner, who is undoubtedly endowed with the talent of a writer. A striking feature of her style, recognized by such classics of literature as I. A. Bunin and G. I. Uspensky, is the alternation of iterative and singulative fragments.

Keywords: V. N. Figner, memoirs, subject sphere, diegetic narrator, iterative, singulative.

Революционеры-народовольцы оставили тысячи страниц воспоминаний. Среди авторов, за плечами которых были тюрьма, ссылка и каторга, можно видеть и профессиональных писателей (это, например, М. С. Степняк-Кравчинский, В. Г. Короленко, создавшие интереснейшую художественную прозу), однако мемуаристка В. Н. Фигнер (1852–1942) также явно обладала даром беллетриста, и в созданных ею эссе изложены не только сухие факты о безотрадных буднях в остроге и ссылке. Читатель может оценить ее изящный слог (неслучайно такой взыскательный классик, как И. А. Бунин, полагал, что у В. Н. Фигнер нужно учиться писать), заметить стремление к психологическому анализу ситуаций, к философскому осмыслению своей деятельности и положения дел в современном ей обществе. Безусловно, чувствуется, что перед нами *женская* проза: мемуаристка называет себя красивой женщиной (что подтверждается данным ей прозвищем «топни ножкой» и фотографиями как в молодом, так и в преклонном возрасте), сообщает, что была популярна, высокопоставленные чиновники проявляли большой интерес к ее персоне. Один поцеловал руку арестованной террористке, желая выглядеть передовым и свободомыслящим; другой — комендант крепости Коренев — при знакомстве с ней отметил: «Я служил в Казани и знаю вас. Вскоре после вашего выпуска из института я видел вас в дворянском собрании на балу, на котором на вас обратили мое внимание» [4, 82]. Но для народницы, конечно, важнее было то, что ею бесконечно восхищался Г. И. Успенский, и это отразилось в творчестве

выдающегося очеркиста, а именно: образ девушки «строгого, почти монашеского типа» в знаменитом произведении «Выпрямила (Отрывок из записок Тяпушкина)» (1885).

В. Н. Фигнер была высоко и разносторонне образованным человеком, она училась медицине в Швейцарии, по возвращении в Россию включилась в активную революционную деятельность, участвовала в покушениях, в том числе в самом знаменитом и печально известном — на императора-освободителя Александра II. После этого народница скрылась и арестована не была, однако в 1883 году ее судили в рамках известного «Процесса 14-ти»; был вынесен самый суровый приговор — смертная казнь. Однако высшую меру наказания заменили бессрочной каторгой, «прославленная террористка» провела несколько лет в Шлиссельбургской крепости, а в 1904 году отправилась в ссылку под Архангельск, затем в Казанскую губернию и Нижний Новгород.

Легендарная революционерка после Октябрьской революции была обласкана новой властью (ей, как и другим радикалам, назначили пожизненную пенсию), но сам политический переворот и последующие массовые репрессии вызвали ее решительное недовольство. В. Н. Фигнер отправляла письменные протесты политикам (например, «всесоюзному старосте» М. И. Калинину), полагала, что необходима «новая революция» (дабы исправить «ошибки» старой), много выступала с публичными речами и помогала «заслуженным» революционерам-народовольцам, нуждающимся в лечении.

Для рассмотрения субъектной сферы мемуаров В. Н. Фигнер нами был взят фрагмент «Запечатлен-

ного труда» (глава IV) — «Тюрьма дает мне друга». Повествование в художественно и логически завершенном отрывке динамично, в нем представлены яркие события, отражающие характеры персонажей, что могло бы лечь в основу жанра новеллы, но перед нами, конечно, очерк. Сюжетно-композиционная система главы развивается не посредством причинно-следственных связей (то есть согласно фабуле), а благодаря ассоциациям автора, и это является подтверждением того, что главным «героем» очерка является *мысль* его создателя.

Нарратор в классических мемуарах — сам биографический автор (непосредственный участник событий и свидетель происходившего), которого с некоторой осторожностью (так как это не художественная проза) можно назвать *диегетическим*: «он персонифицированный» (определен возраст, пол, создана хотя бы «минимальная биография»), «входит в мир текста» [3, 203]. О себе и своем окружении пишет человек, переживший острые драматические события, наблюдавший в тюрьме и на воле не одну трагическую картину. Это дает возможность В. Н. Фигнер использовать *контрфактические* высказывания (выраженные условным предложением с глаголом в прошедшем времени, в сослагательном наклонении), обозначающие ситуации, казалось бы, лишь *вероятные*, но для автора проверенные личным жизненным опытом, подтвержденные временем. Например, вот что мемуаристка пишет о ценности «перестукивания» для узников: «...Если бы легкий стук в стену не разрушал каменную преграду, разделяющую человека от человека, осужденный не имел бы возможности сохранить жизнь и душу» [4, 28]. Как видно, многоопытный автор уверенно указывает условие (невозможность «слома» стены звуком), при котором ситуация имела бы место (физическая и моральная смерть). Такие высказывания часто подытоживают конкретные примеры из тюремной жизни, и чередование конкретного и общего является показателем идиостиля.

По нашим наблюдениям, чередуются в рассматриваемой главе и *сингулятив* с *итеративом*. Напомним, что сингулятив («единичность излагаемого события»), согласно определению, предложенному Ж. Женнетом, «может быть представлен формулами 1П/1И, nП/nИ», где П — то, что «произошло», И — как «изображено», «изложено», то есть «повествование может излагать один раз то, что произошло один раз» или nП/nИ — «излагать n раз то, что произошло n раз» [2, 141–142]. Обосновывая термин «итератив», О. Есперсен имел в виду «действительную множественность глагола» [1, 198], *повторяемость*, призванную обозначать явления в ряду подобных, многократно возникавших. По Ж. Женетту, итератив, (nП/1И), это «такой тип повествования, в котором один нарративный фрагмент охватывает вместе несколько разных случаев одного и того же события (то есть <...> несколько событий, рассматри-

ваемых только с точки зрения их сходства)» [2, 143]. По нашим наблюдениям, сингулятивные фрагменты, как правило, окрашены *положительно* (так как в них передаются ценные для автора мысли, чувства (эксклюзивные!) дорогих, достойных и уважаемых ею людей, единомышленников), реже — *нейтрально*. Итеративом (или фреквентативом) часто переданы *отрицательно* воспринятые явления (например, действия и слова невежественных зрителей), реже — *нейтрально*, например, нудная повторяемость тюремных правил, которые невозможно изменить.

Имеет место «оппозиция текста нарратора и текста персонажа» [6, 200], что также подтверждает субъективный подход диегетического нарратора к описываемому: речь В. Н. Фигнер и ее «соузников» культурна, даже изысканна, исполнена благородного драматизма, их портреты переданы пластично и утонченно. Зрители же либо косноязычны, либо вообще молчат и общаются с арестантами с помощью мимики, так как им запрещено говорить с заключенными (одного охранника так и прозвали: Мимика).

Начинается IV глава о спасительном обретении друга как занимательный рассказ, почти как художественное произведение, и выглядит это не как множественное, а как единичное явление: «В начале января 1886 г., зная, что в крепости находится Людмила Александровна Волкенштейн, судившаяся, как и я, по “процессу 14-ти”, я обратилась к зрителю с вопросом, почему мне не дают прогулки вдвоем» [4, 27]. Очевидно, что здесь сингулятивом (но нейтрально) обозначена ситуация редчайшая (она маркирована точной датой и полным именем народницы): террористка почти просит классового врага разрешить ей общение с единомышленником, что может обеим женщинам принести большую радость. Далее показана реакция охранника на вопрос-просьбу: «Зритель немного помолчал, а затем сказал: — Можно дать; только не следует... Он согнул указательный палец и постучал в косяк, как в тюрьме разговаривают стуком в стену. Я ответила, что и так стучу совсем мало. На этом разговор кончился, и я по-прежнему оставалась в одиночестве» [4, 27]. В данном случае сингулятив также представил неприятное, но нейтрально воспринимаемое явление. Далее итеративные фрагменты передают «множественность» привычных и поэтому также «нейтрально» воспринимаемых ситуаций, но они уже содержат зерно негатива, отрицательного восприятия происходящего. Эти изменения в повествовании особенно заметны при рассмотрении динамики описания тюрьмы, камер: косные, незыблемые, привычные условия поддержаны словами и словосочетаниями «по-прежнему», «не было никого и ничего», «всё исчезло», «бездушный камень», «каменная преграда», «колодец»; однако иногда встречаются экспрессивные фрагменты, где резко отрицательно обозначено авторское настроение и состояние:

«...был сумрачный склеп с рядом таинственных, замурованных ячеек, в которых томились невидимые узники, зловещая тишина и атмосфера насилия, безумия и смерти» [4, 28].

Очень ярко переходы от итератива к сингулятиву (и наоборот) выражены при описании Л. А. Волкенштейн — общая обрисовка черт характера («человека более гуманного по отношению к людям трудно было встретить») чередуется с конкретным рассказом о ситуациях (эксклюзивных), а затем можно наблюдать философско-психологические обобщения самого феномена терроризма. Например, активизирующим вниманием читателя словом «однажды» (что свойственно сингулятиву) открывается фрагмент, где повествуется об очень любопытном случае спасения клопа (которого, разумеется, занес жандарм) добрейшей Людмилой Александровной: она «тщательно завернула его в бумажку и вынесла на гулянье <...> осторожно выпустила на волю» [4, 32]. Более нейтрально (уже итеративно) описывается отношение Л. А. Волкенштейн к «тем немногим животным», которых можно было встретить на территории тюрьмы, например, сообщается, что воробьи «целыми стаями сидели у нее на коленях и ели крошки хлеба с ее халата» [4, 32]. Не только описанный выше клоп был спасен подругой автора воспоминаний, подобная участь постигла гусениц и жуков: «эта террористка» [там же] обходила их стороной, боясь наступить. Заметим, что В. Н. Фигнер здесь, как это часто случается, прибегает к приему контраста, пока еще осторожно намекая, как в одном человеке могут ужиться трепетная нежность и предельная жестокость.

Подобную ситуацию, как типичную относительно поведения людей, парадоксально соединяющих в себе мягкость и доброту с жестокостью, описал Е. Л. Шварц в пьесе «Тень» (1937–1940), где «королевский палач», отправляясь исполнить свои обязанности (казнить), говорит собеседнице: «Прошу простить меня. Я скоро вернусь и расскажу вам, как я спас жизнь моим бедным кроликам» [5, 79].

В рассматриваемых нами мемуарах, наконец, задается вопрос, который возникает и у читателя: «...как мирятся ее гуманность и добросердечие с насилием и кровью революционной деятельности?». Действительно, интересовались ли В. Н. Фигнер и Л. А. Волкенштейн страданиями десятков простых людей, погибших при взрыве в Зимнем дворце (есть сведения, что в феврале 1880 года в результате деятельности Степана Халтурина пострадали около 70 человек охраны и прислуги) или на железной дороге (история с царским поездом, следующим из Крыма), волновали ли их переживания родственников жертв? Ведь известно, что при покушении на Александра II смертельные ранения получили не только сам император и конвойные, но и случайные прохожие, например крестьянин и четырнадцатилетний мальчик из мясной лавки. Знаменитая террористка

дает обобщающий и вполне предсказуемый ответ о противоречиях в характере своей соратницы: «безобразия и несправедливость политического и экономического строя бросили ее на другой путь» [4, 33], — таков оправдывающий философский вывод.

В анализируемой нами главе воспоминаний значительное место занимает итеративное описание природы, подобное которому мог бы дать любой узник. Разумеется, оно представлено положительно: «Мы страшно соскучились по траве, по полям и лугам, и клоч зелени вызывал совершенно неожиданно приятную волну чувств в нашей изголодавшейся душе; каждая былинка была нам дорога». Как видно, данный фрагмент не поддержан конкретными обстоятельствами места и времени, перед нами общие описания тоски обитателя тюрьмы по воле и тому, что с ней ассоциируется. В качестве заместителя полноценной природы узникам предложили возделывать огороды, в некотором смысле метонимию свободной nature.

«Огородный текст» IV главы, пожалуй, самый динамичный в плане чередования нейтрально и положительно представленного итератива. Конкретные, единичные события почти не фигурируют, но как обыденное, само собой разумеющееся, без всяких деталей и эмоций описывается на самом деле эксклюзивная для тюрьмы, где содержатся террористы и даже цареубийцы, ситуация подготовки огородов для заключенных. Нейтрально, без уточнений, с некоторым недоверием (но и любопытством) показаны действия тюремных служителей, которые «ставили заборы для шести огородов», сообщается также, что «на баржах была привезена где-то по дорожной цене купленная земля и в виде уже готовых гряд насыпана по огородам» [4, 30]. Надо отметить, что ни В. Н. Фигнер, ни Л. А. Волкенштейн благодарны администрации тюрьмы за это не были, как не были одобрены действия (по крайней мере, это никак не отразилось в тексте) тех, кто мимикой показал, куда и как сажать семена растений («редис, морковь, репа, горох, брюква, мак»); зрители, посадившие цветы вдоль забора, также не удостоились доброго слова. Однако справедливости ради необходимо отметить, что в XI главе этих же воспоминаний («Комендант Гангардт») сказаны добрые слова об одном из комендантов острога: «Если имя читинского коменданта Лепарского, облегчавшего участь декабристов, перешло в историю, как и имя доктора Гааза, этого друга обитателей московской Бутырской тюрьмы, то имя Гангардта по праву может занять место наряду с ними» [4, 83–84]. Показательно, что В. Н. Фигнер (вслед за российскими классиками коммунистической теории) позиционирует себя как продолжателя деятельности декабристов.

Нарратор, описывая тоску арестантов по зеленой «былинке», при создании достаточно обширного и важного для нее «огородного текста», ведет повествование так, будто и земля для огородов, и семена

растений, и цветы появились как бы сами по себе, без участия ненавистных надзирателей и их начальства. Тем не менее присутствует позитивная коннотация, вызванная такими словосочетаниями, как «земной рай», «с берегов реки», «молодые всходы», «детское восхищение», и это позволяет сделать вывод о том, что огороды и весь связанный с ними спектр эмоций являются гармонизирующим элементом, как-то уравновешивающим страшные факты кончины заключенных, предсмертных стонов умирающих в соседних камерах, неубранной крови больного туберкулезом узника (Исаева). Последняя история показана как обыденная для тюрьмы, хотя достаточно крупным планом, с фиксацией запоминающихся деталей, с сочувствием к пострадавшему и ненавистью к охране, что презрительно подчеркнуто существительным в среднем роде — *палачество* — то есть как нечто неодушевленное, недостойное, лишенное морали. Однако автор не позволяет себе излишне восхищаться огородами, сохраняя нейтралитет, она называет их «невзрачное местечко», «колодезь», который все же «показался <...> земным раем».

Не будем забывать, что рассматриваемая нами глава создана с определенной целью, обозначенной заглавием: «Тюрьма дает мне друга» — это и будет центральной мыслью, раскрывающей идею жизненно необходимой важности контакта, подтверждающего, что человек не одинок в каменной клетке. Нужно отдать должное личному мужеству двух женщин (В. Н. Фигнер и Л. А. Волкенштейн) с их обостренным чувством справедливости, так как им пришлось отказаться от «прогулок вдвоем» и от столь любимых, скрашивающих острое существование «огородов». Террористки решили, что они не должны пользоваться «льготами», полученными за «хорошее поведение»; данное поощрение, как унижительное, договорились от власти не принимать. Чувство товарищества заставило узниц вспомнить о конкретных людях, по разным причинам (говорили охранникам «ты» в ответ на такое же обращение, часто «перестукивались», не считали нужным униженно просить о чем-либо и т.д.) лишенных указанных «радостей жизни». Приводятся фамилии пострадавших от самодурства начальства, что повышает субъективность изложения, заостряет внимание читателя и убеждает саму мемуаристку в правильности выбранной формы протеста: «Кобылянский, Златопольский умерли, не увидав дружеского лица. Другим, как Панкратову, Мартынову, Лаговскому, пришлось ждать

этой льготы целые годы». Сингулятив набирает силу в следующем эксклюзивном (единичном) примере, начальная граница которого маркировано наречием «однажды»: «Однажды наша тюрьма огласилась криком: “Караул!”». Таким образом революционер-народоволец Михаил Родионович Попов потребовал «прогулок вдвоем» и получил их! Автор воспоминаний похвалила его за находчивость, изобретательность и остроумие (!).

Финал главы представляет собой сложно выполненный психологический анализ состояния автора, диалог с собой, отражающий борьбу между эгоизмом и долгом; В. Н. Фигнер сообщает, как тяжело было ей принять решение, как подруга убеждала ее в его правильности. Однако мемуаристка сочла нужным рассказать, что жертва была напрасна, так как очень немногие поддержали данную акцию: «...только Л. А., я, Ю. Богданович, Попов и Шебакин довели дело до конца». Остальные либо не поняли сути этой «жертвы», либо не захотели отказаться от спасительного общения и работы на огородах. В целом такая ситуация была определена как тюремный «хаос», хотя В. Н. Фигнер извиняет ее, ибо среди не поддержавших протест были тяжело больные люди, которым дружеская поддержка (иногда в прямом смысле — при невозможности самостоятельно передвигаться на прогулке) была необходима как воздух.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 329 с.
2. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры: Т. 1–2 / Ж. Женетт. — М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. — 944 с.
3. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
4. Фигнер В. Н. Избранные произведения: в 4 т. — Т. 2. Запечатленный труд / В. Н. Фигнер. — М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. — 250 с.
5. Шварц Е. Л. Собрание сочинений: в 5 т. — Т. 2. Тень; Дракон; Одна ночь; Два клена; Обыкновенное чудо; Повесть о молодых супругах: Пьесы / Е. Л. Шварц. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 432 с.
6. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Горбачевич О. А., соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета

E-mail: goa696@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University
Gorbatsevich O. A., Applicant of the Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature Department of the Humanities Faculty
E-mail: goa696@mail.ru